

На западной стороне деревни Святого Духа вдалеке стояли три сарая, и звуки лязга и стука эхом разносились в воздухе.

Линь Маньшань, неся коробку для завтрака в одной руке и кувшин с вином в другой, следовал за Стариной Джеком.

"Сяо Сань?" Глядя на Тан Саня, который стоял с молотком перед домом и постоянно стучал по железным блокам, на лице Старого Джека появилось выражение угрюмости, он опирался на костыли и приближался мелкими шажками: "Сяо Сань, почему это ты работаешь? Где твой отец?"

Сказав это, он повернул голову в сторону дома и крикнул: "Тан Хао! Тан Хао!"

"Что за шум, нарушающий сон людей?" - Раздался слегка сердитый голос изнутри дома, а затем занавеска приподнялась, и вышел дородный мужчина с растрепанной бородой.

"Тан Хао, что с тобой не так? Что ты за отец такой, чтобы быть таким? Сяо Саню всего шесть лет, как ты можешь позволять ему выполнять такую тяжелую работу?" Старый Джек уставился на него обоими глазами, запрокинув голову, и сердито заворчал на месте.

"Он мой сын, я могу заставить его делать все, что захочу, тебе незачем вмешиваться". Тан Хао задним числом взглянул на Линь Маньшаня и вещи, которые он нес на стороне Старого Джека: "Что, все еще хочешь попытаться убедить?" Его тон был совсем не вежливым.

"Ты, ты кашляешь", — тело старого Джека задрожало от гнева, и он не смог удержаться от легкого кашля.

"Дедушка, успокойся". Линь Маньшань поспешно заговорил, чтобы успокоить его.

"Тан Хао, я не собираюсь с тобой спорить". Старый Джек погладил себя по груди и неодобрительно взглянул на Тан Хао, затем повернул голову к Тан Саню, который уже отложил свой молоток и вышел вперед, на его лице вновь появилось умиротворение. "Сяо Сан, пойдем, дедушка привел тебя вкусная еда, чтобы отпраздновать пробуждение духовной силы в твоей воинственной душе, и у тебя есть шанс стать великим Духовным Мастером и сражаться во славу деревни."

"Хе-хе, сражайся во славу деревни, это то, к чему ты стремишься, да?" Равнодушно сказал Тан Хао, "Но я не соглашался, чтобы Сяо Сан поступал в какую-то академию Нуодин. Кто будет готовить для меня после того, как он уйдет, если больше ничего нет, ты можешь уйти."

"Тан Хао!" Гнев в сердце Старого Джека снова разгорелся, и он повернул голову, чтобы сердито посмотреть на Тан Хао: "Неважно, как сильно ты хочешь оставаться декадентом и быть изгоем, но не причиняй вреда Сяо Саню. Если ты не станешь Духовным мастером, не будут ли над тобой издеваться эти благородные лорды в будущем? Если ты не станешь Духовным Мастером, разве эти благородные лорды не прибежат сюда, когда им нечего будет делать, и не посмотрят на невестку твоего сына и твою внучку, неужели ты просто будешь стоять в стороне и смотреть, как их забирают и издеваются над ними?"

"Хватит!" Как будто его ткнули в больное место, глаза Тан Хао холодно сверкнули, и он громко взревел.

"Если он не может, то не может. Поторопись и убирайся отсюда к черту!"

Увидев, что его единственного родственника ругают, лицо Тан Саня мгновенно похолодело, а тон стал резким.

"Дедушка Джек, поскольку мой отец не позволяет мне стать Духовным Мастером, для меня нормально не быть Духовным Мастером. Если больше ничего нет, пожалуйста, уходи".

"Сяо Сань..." Старина Джек слегка застыл, только почувствовав необъяснимую блокаду в глубине своего сердца, затем его лицо слегка потемнело, и он повернул голову, чтобы посмотреть на Линь Маньшаня: "Сяо Ву, положи вещи, пойдем домой". Сказав это, он повернул голову, чтобы снова посмотреть на Тан Хао, и сказал серьезным тоном.

"Тан Хао, когда я был молод, я собственными глазами видел, как слуги знати приводили своих мужчин в деревни, чтобы забрать красивых девочек, и я слышал, что эти девочки в конечном итоге были проданы в другие большие города, и с тех пор о них ничего не было слышно. Тан Хао, даже если ты не думаешь о себе, подумай немного больше о Сяо Сане."

"Хотя Маленький Ву из моей семьи не очень хорош, его врожденная духовная сила не так хороша, как у Сяо Саня, но, по крайней мере, он очень старается, и я верю, что в будущем он определенно сможет стать Духовным Мастером и защитить нашу деревню от издевательств. Подумай о будущем Сяо Сан; вот почему я все еще пытаюсь заставить тебя понять. Это все, что я должен сказать, подумай об этом сам."

Ожидая, пока Линь Маньшань расставит вещи на открытом пространстве сбоку, Старина Джек повернул голову, чтобы снова посмотреть на Тан Сана.

"Сяо Сан, я оставлю посуду и вино. Вам двоим следует хорошенько поужинать сегодня вечером, я вернусь завтра, чтобы забрать коробку с едой".

Сказав это, не дожидаясь, пока отец и сын Тан заговорят, он развернулся и ушел.

Линь Маньшань быстро последовал за Старым Джеком, и когда тот отошел далеко, он оглянулся на пустой дом, сжал кулаки, и его глаза заблестели.

Вскоре после этого они вдвоем вернулись в свою резиденцию и поужинали не очень приятным ужином.

После еды Линь Маньшань вернулся в свою комнату, сел на кровати и тут же ударил кулаком по краю кровати, ругаясь себе под нос.

"Черт возьми, Тан Хао, Тан Сан, эти два простака, действительно относятся к благим намерениям других, как к ослиной печени и легким".

"Еще не поздно, давайте сначала культивируем силу нашей души". Без силы ничего нельзя было сделать, Линь Маньшань очень хорошо это знал.

Два часа спустя Линь Маньшань медленно открыл глаза, на его лице появился намек на радость: "После первой попытки мое тело, кажется, немного адаптировалось, оно уже не так болит, как раньше, и время, которое я могу практиковать, также стало больше".

Сжав кулаки и ощутив, что его тело явно стало сильнее, Линь Маньшань улыбнулся и откинулся на спинку стула.

Приняв удобную позу, он погрузился в глубокий сон.

На следующий день Линь Маньшань проснулся рано и вышел на улицу. Была середина февраля, и в полях уже были ласточки и сороки, поэтому с помощью своих простых инструментов для ловли птиц и большого терпения ему удалось поймать сороку, а затем он обнаружил паука в своем доме.

Внутри спальни Линь Маньшань положил бамбуковую трубку с пауком на стол и медленно протянул правую руку, чтобы приложить ее к отверстию.

Погрузив свой разум и призвав силу своей души, слабая зеленая аура немедленно устремилась к пауку.

Пока восемь конечностей паука дико топали, слабое ощущение борьбы передалось в его разум, а затем образы продолжали мелькать перед ним.

Выплесывание шелка и плетение паутины, ожидание, покачивание паутины, связывание добычи, кормление - изображения сменяли друг друга, и продолжительность была недолгой.

"У пауков такая короткая память, и это отвратительно". Наблюдение за пауками, пожирающими мух и комаров с первой точки зрения, заставило сердце Линь Маньшаня похолодеть: "Однако, к счастью, это не пожирание душ, иначе мне пришлось бы испытать то, что чувствуют пауки, когда они едят".

"Это чувство, должно быть, не из приятных." Линь Маньшань вздрогнул и отдернул правую руку.

Управлять таким маленьким существом, которое даже не было Духовным Зверем, было, очевидно, очень легко.

Глядя на паука в бамбуковой трубке, сознание Линь Маньшаня пришло в движение, паук внезапно двинулся в нужном ему направлении, его сознание слегка погрузилось, и изображение перед ним внезапно изменилось, его глаза увидели стенки бамбуковой трубки с точки зрения паука, но изображение было вместо этого в человеческих визуальных цветах.

"Это довольно интересно". Линь Маньшань хмыкнул: "Я просто не знаю, в какой степени память этого паука была улучшена с помощью силы души, если время сохранения все еще такое же короткое, как и раньше, то это можно просмотреть только в режиме реального времени".

Вливание души и душевной силы заключалось не только в том, чтобы манипулировать существом, но и в том, чтобы значительно улучшить способность существа к запоминанию, позволяя легко читать его в любое время. В конце концов, никто не захотел бы сидеть на корточках в одном месте, чтобы время от времени смотреть прямую трансляцию, это было бы слишком большой тратой времени.

Отодвинув бамбуковую трубку в сторону, Линь Маньшань потянул за птицу сороку, у которой сбоку были связаны ноги длинной веревкой.

Держа его в руке, Линь Маньшань немедленно погрузился в свои мысли, чтобы отделить свою душу, и ввел душевную силу, на этот раз он, очевидно, почувствовал, что его разум на мгновение оцепенел, было очевидно, что для управления птицей сорокой требовалось гораздо больше души и душевной силы для введения, по сравнению с пауком.

Более того, фрагменты воспоминаний, промелькнувшие в его сознании, тоже были намного длиннее.

<http://tl.rulate.ru/book/103006/3577399>